

УДК 1+316

Проказин Виктор Валентинович

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: prokazin@mail.ru**Prokazin Viktor Valentinovich**

Amur State University

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: prokazin@mail.ru**СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ: ДИНАМИКА ОДНОСТОРОННЕГО ИНТЕРЕСА****SOCIOLOGY AND HISTORY: THE DYNAMICS OF ONE-SIDED OF INTEREST**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению динамики отношения социологии к истории и историческому знанию. Отмечается обусловленность этого отношения приоритетными задачами социологической науки на разных этапах ее развития.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the dynamics of the relationship of sociology to history and historical knowledge. The conditionality of this relationship is noted by the priority tasks of sociological science at different stages of its development.

Ключевые слова: социология, история, историческая социология, социология истории, междисциплинарные исследования.

Key words: sociology, history, historical sociology, sociology of history, interdisciplinary research.

DOI: 10.22250/20730284_2023_102_23

Одной из особенностей развития современного научного знания является интенсификация междисциплинарных взаимодействий. Цель нашей статьи – рассмотрение динамики интереса со стороны социологии в отношении исторической науки и исторических исследований. Такой интерес и его изучение в диахронном ключе имеет определенный смысл. С 70-х гг. прошлого столетия активно развивается возникшая еще в XIX в. так называемая историческая социология в качестве отраслевой социологической дисциплины, и существует потребность на фактическом материале проследить и осмыслить теоретически процесс развития отношений социологии и исторического знания. Эвристическое значение социологической трактовки исторического прошлого признано на уровне как национальных социологий, так и международного социологического сообщества. Наконец, еще один аргумент в пользу актуальности замысла настоящей статьи: отношения социологической и исторической науки, в том числе и в России, с самого начала, можно сказать, не заладились и до сих пор в них сохранились некоторые проблемы, которые предстоит решать. Кроме того, интенсивность интереса социологии к историческим исследованиям был неодинакова в разные периоды ее развития.

Социологическое знание является знанием открытым, способным развиваться и воспринимать влияния извне, в том числе со стороны других дисциплин и наук об обществе и человеке – философии, истории, экономики, политологии, психологии, а также со стороны естествознания. Такая способность онтологически обусловлена, поскольку общество как реальность и составляющие его структуры, их индивидуальное и массовое социальное поведение подвержены воздействию и природной, и психической, и социальной реальности. Социология, самая общая теоретическая наука о социальном, нуждается прежде всего в том фактическом материале, который могут дать другие науки для ее

обобщений, объяснений и интерпретаций. Со своей стороны, социологическая наука оказывает обратное воздействие, в первую очередь, теоретико-методологическое, на другие научные отрасли знания, исследующие общество и человека.

Известно, что социология как самостоятельная дисциплина начала оформляться примерно с середины XIX в. При этом, как новая дисциплина, она во многих отношениях ориентировалась на уже имеющиеся образцы науки в лице существовавших естественных и ряда общественных наук. История влияния на молодую социологическую науку со стороны естествознания описана достаточно обстоятельно. Огюст Конт, «отец социологической науки», свой позитивистский подход сформулировал как ориентацию будущей социологии именно на те критерии научности, которые приняты в естествознании. Общество им понималось как часть природы, в нем действуют закономерности, подобные природным; поэтому изучать общество необходимо при помощи методов, применяемых в естественных науках. Социология должна давать такое же объективное, точное, достоверное и полезное знание, как биология, физика, химия. Соответственно социологическое объяснение должно осуществляться таким же образом, как в науках о природе, – при помощи подведения изучаемого явления под соответствующий общий закон.

Такая ориентация привела к появлению так называемой натуралистической социологии, которая активно привлекала к изучению общества результаты исследований в естествознании, пыталась объяснять общественные явления и процессы ссылками на действия природных сил и включала несколько более или менее оформившихся школ – географическую, органицистскую, механистическую, расово-антропологическую, социал-дарвинистскую. Безусловно, подобный подход был редуционистским, упрощенным, односторонним, исходящим из возможности объяснить социальное, общественное действием исключительно природных факторов, игнорируя другие, в частности психические и социальные. Социология со своей стороны оказывает обратное воздействие на развитие естествознания, поскольку выясняет особенности функционирования и развития такого социального института как наука, его обусловленность социальными условиями.

История отношений социологии и психологической науки, интраментальной и социальной, также описана достаточно полно. Психология как самостоятельная отрасль знания возникла позже социологии, интерес к ней со стороны социологов проявился только примерно в 60-х гг. XIX столетия. Одним из результатов этого интереса стало возникновение другой крайности, другой разновидности редуционизма – психологического, когда социологи стали пытаться объяснять социальные процессы и явления, социальное поведение индивидов и групп только действием психических сил и психологических закономерностей, не придавая серьезного значения роли природных и собственно социальных факторов. Возникли соответствующие школы, связанные со спецификой определенных психических факторов: инстинктивизм, школы массовой психологии и психологии народов, психологический эволюционизм, ранний интеракционизм. Психологический редуционизм явился негативной реакцией на натуралистический детерминизм, вообще исключавший из объяснения психические факторы. Со стороны исследователей-психологов также возникла ответная заинтересованность во взаимодействии с социологической наукой: понятно, что психическое состояние индивидов и групп, их поведение во многом обуславливаются действием социальных факторов, состоянием и социокультурными особенностями обществ.

Впоследствии социологии удалось преодолеть и натуралистический и психологический редуционизм и сформировать плюралистический, многофакторный подход к объяснению социальных явлений и процессов, человеческого поведения. Взаимодействие социологии с другими науками сегодня достаточно плодотворно.

Если говорить об отношениях с исторической наукой, то нужно в первую очередь иметь в виду, что фактически сам проект социологии как науки вырос из исследований исторического процесса, прежде всего из философии истории XVIII в. Социологическая наука с самого начала была призвана

объяснить процессы перехода западного общества от традиционной фазы к индустриализму, к обществу модерна. Как известно, эти грандиозные общественные изменения проходили примерно с XVI в. по XIX в. и требовали соответствующего осмысления, которое и началось в рамках философии истории. Социология восприняла основные идеи последней, в частности идею прогресса, и намеревалась дать им научное объяснение, показать, что это отражение всеобщего закона поступательного движения общества. Другими словами, социология как наука есть результат осмысления исторического процесса. Можно даже сказать, что социология начала формироваться именно как «историческая социология», или «социология истории», что в принципе одно и то же.

Однако, как уже отмечалось, отношения социологов и профессиональных историков с самого начала не заладились. Историки социологии и историографы истории выявили те направления, по которым между ними шли споры: историки обвиняли социологов в построении умозрительных схем, в отрыве от реальности истории, а социологи историков – в описательности и фактографии. Позиция социологов в отношении историков и исторического знания со временем изменилась: социология пережила свой первый кризис на рубеже XIX и XX вв., который был прежде всего кризисом позитивистского эволюционизма, и скорректировала свою позицию, отказавшись от создания априорных умозрительных эволюционистских схем. В социологической науке появились антипозитивистская и неопозитивистская ориентации. Антипозитивизм вообще отказался от признания в истории закономерностей, создания «историцистских» (термин К. Поппера) схем и сосредоточил свое внимание на исследовании специфически культурного в качестве фактора социального поведения. Неопозитивизм подверг критике эволюционистскую теорию развития и предложил концепцию социальных изменений, которые стали пониматься как нелинейные, не имеющие направления, обуславливающиеся совокупностью конкретных исторических природных, психических и социальных сил. Эти изменения свидетельствовали о растущем внимании и интересе социологов к конкретному историческому знанию, к результатам исторических исследований.

Отношение большей части историков к теоретической социологии в течение последующего времени продолжало оставаться практически неизменным, т.е., мягко говоря, неприязненным. Во многом такое отношение воспроизводится и сегодня. Причины подобной позиции известны. Обратимся к авторитету – замечательному русскому социологу и историку Н.И. Кареву, который в своей последней рукописи давал общий обзор развития всей русской досоветской социологии: «Переходя ... к историкам и тем отношениям, в какие они становились к социологии, приходится констатировать то общее явление, что среди них было гораздо меньше... [тех], которые придавали социологии большую цену. Это явление, впрочем, не может быть названо специально русским, так как наблюдается и у других наций. Везде историки в большинстве отнеслись к проблеме социологии с большим или меньшим равнодушием, даже совершенно ее игнорируя, а иногда и с прямым недоверием к ее притязаниям, в известных же случаях с полным отрицанием... Это нерасположение большинства историков к социологии стояло в связи с унаследованным еще от прежних времен нерасположением к занятиям общей теорией истории не в смысле теории исторического знания с ее техникой исторического исследования, а в смысле теории исторического знания в философском освещении. С середины XIX в., как известно, философия истории утратила вообще прежний кредит, но если ее произвольные построения уже не вызывали к себе доверия, то все-таки на общих историологических теориях наших ученых-историков продолжал сохраняться некоторый идеалистический налет, который сильно мешал принятию основных положений зарождавшейся социологии» [1, с. 151-154]. Так было в XIX в., подобное отношение историков к социологии воспроизводится и сейчас, по крайней мере, со стороны значительной их части. Проследить хотя бы в самом общем виде развитие такого отношения – особая задача. Но нас интересует позиция социологии в отношении истории и ее динамика.

Уже отмечалось, в чем состоит значение для социологии использования исторических материалов. Социологию интересует фактическое знание, представляющее собой описание конкретных

исторических событий, процессов и явлений, которые должны быть подвергнуты переосмыслению с точки зрения социологии и социологически интерпретированы. Интерес к взаимодействию с историками и историей у социологов был неодинаковым в разные периоды их отношений: более активным и интенсивным на раннем этапе становления социологии, менее выраженным, начиная с 20-х гг. XX в. до примерно начала 70-х гг.; позже начинается возрождение социологического интереса к историческим исследованиям. Подобные этапы в развитии отношений социологии и истории выделяет современный автор: описывая развитие исторической социологии в середине XX в., он отмечает, что в это время историческая социология переходит на новый этап развития.

Представляется, что разная степень социологического интереса к истории была связана с особенностями того или иного этапа развития социологии как общей науки об обществе. На наш взгляд, это касается прежде всего приоритетности в социологических исследованиях либо проблем социальной динамики, либо социальной структуры. Если доминирует интерес к вопросам социальной структуры, то внимание к историческому процессу падает и минимизируется интерес к собственно историческому знанию, социологи концентрируются на исследовании строения и функционирования общества, его социальных институтов и структур, в исследованиях реализуется статическая ориентация, рассмотрение общества в неизменяющемся состоянии. Если же превалирует интерес к проблемам социальных изменений, то растет интерес и к собственно историческим исследованиям, к истории как таковой, историческому процессу, историческим изменениям и, как следствие, – к конкретному историческому материалу. В свою очередь внимание социологов либо к проблемам социальной статистики, либо к проблемам социальной динамики определяется состоянием самого общества, тем, находится оно в процессе явных, очевидных изменений или в более или менее стабильном состоянии, и, соответственно, теми задачами, которые общество ставит перед социологической наукой.

Историки социологии обратили внимание на эту зависимость и выделили в развитии своей дисциплины ряд соответствующих этапов. Так, в известной работе американских авторов А. Боскова и Г. Беккера «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» отмечается относительная приоритетность проблем «изменения» и «структуры» в разные периоды развития социологии. На начальной ее фазе «структура в известном смысле подчинялась изменению», а позже интерес исследователей сместился к анализу строения социального целого и появилась гипотеза, согласно которой «анализ структуры должен предшествовать правильному пониманию изменений». Наконец, к середине XX в. признается «дополнительная роль анализа социальных изменений в изучении социальной структуры» [2, с. 301, 307].

На наш взгляд, анализ каждой из фаз (этапов) с точки зрения большего или меньшего интереса к взаимодействию с исторической наукой подтверждает наше предположение.

Как уже отмечалось, социология как отрасль научного знания была создана для объяснения процессов модернизации западных обществ, перехода от традиционного уклада к современному, занявшего несколько сотен лет. А. Босков отмечает, что вплоть «до Первой мировой войны в своем мышлении и работах социологи склонны были выдвигать на первый план вопросы изменения, «динамики» и «прогресса». В известном смысле они приняли контовское отделение социальной статистики от социальной динамики, но их интерес к человеческой истории, к современным социальным проблемам часто приводил к построениям «динамических социологий», в которых структура в известной степени подчинялась изменению» [2, с. 300]. П.А. Сорокин писал, что большинство социологов, начиная с самого Конта, работали исключительно в сфере социальной динамики. Чуть не вся социология ушла в область изучения эволюции общества и открытия «эволюционных законов».

Научно решить эту задачу было бы невозможно без анализа конкретного фактического материала и привлечения данных исторической науки. В это время появляются первые исследования, которые дали начало исторической социологии как особой отрасли социологического знания. Период отмечен творчеством пионеров и классиков социологии, труды которых опирались на богатый фак-

тический материал, собранный историей. Теория трех стадий О. Конта, теория смены военного общества обществом промышленным Г. Спенсера, теория экономических формаций К. Маркса, теория механической и органической солидарности Э. Дюркгейма, концепция капитализма М. Вебера и другие, основываясь на осмыслении богатых исторических данных, объясняли разные стороны и аспекты модернизационных процессов. Русские социологи, среди которых были профессиональные историки (Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.Н. Покровский, В.А. Рожков), также выступали за тесное взаимодействие социологического и исторического знания как в объяснении мирового исторического процесса, так и начавшегося в России становления капитализма. В.О. Ключевский, с именем которого связано, как пишет Н.И. Кареев, появление «социологической школы в русской истории», специально рассматривает вопросы развития исторической социологии в курсе «Методология истории», а его труд «История сословий в России» представляет прекрасный образец социолого-исторического исследования.

Начиная примерно с третьего десятилетия прошлого века интерес социологии к истории становится менее активным. Свою первую задачу социология решила: она дала ответ на вопрос, каков механизм возникновения современного общества, и объяснила, почему и как это произошло. Теперь перед исследователями встают другие вопросы: «Что собой представляет современное общество? Из чего оно состоит, какова его структура? Как оно функционирует?». Проблемы социальной динамики уходят на второй план, а на первый выходит тема социальной статики. Социологов интересует в первую очередь современность. Поэтому не случайно, что ведущим направлением развития социологической науки становятся сбор фактических данных о разных сторонах актуальной жизни общества и, как следствие, разработка методологии и инструментария эмпирических исследований. Именно период с 20-х гг. примерно до конца 50-х гг. XX в. является временем оформления эмпирической социологии в качестве уровня социологического знания. Теоретические исследования, тем более опирающиеся на осмысление исторического материала, перестали быть популярными. В случаях, когда социологами создаются социологические теории, эти теории оказываются ориентированными на рассмотрение проблем социальной статики. Примером может быть функциональная теория социальных систем американского социолога Т. Парсонса, ставшая примером для многих социологов всего мира. Как пишет современный автор, пути социологии и истории временно разошлись. Работы, ставящие целью исследование социальных изменений, стали относительной редкостью, – как, например, масштабный труд П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика», в котором обобщаются в том числе исторические материалы и формулируется масштабная теория культурных суперсистем, циклически сменяющих друг друга в течение более чем двух тысяч лет на европейском континенте, и, начиная с XVI в., – в Северной Америке.

В отечественной социологической науке ситуация в этот период была особая. Как самостоятельная наука и учебная дисциплина социология находится большую часть этого времени под фактическим запретом. Термин «социология» до конца 1940-х гг. не употребляется. Социологическая тематика разрабатывается в рамках исторического материализма, или социальной философии марксизма, а с начала 1960-х гг. – научного коммунизма. Поэтому говорить об ее интересе к историческому знанию почти не приходится.

Однако в 1964 г. состоялось совещание в Президиуме АН СССР по вопросу взаимодействия так понимаемой социологии и истории, на котором были отмечены отсутствие глубоких социологических обобщений в трудах историков и необходимость усиления социологической проблематики вузовских программ по истории [3, с. 7]. Вышел сборник «История и социология». Данный факт симптоматичен, он свидетельствует о наличии объективной потребности в таком взаимодействии.

В конце 50-х – начале 60-х гг. вновь активизируется интерес мировой социологии к использованию исторического материала для собственных обобщений и интерпретаций. Как представляется, причиной этого стало оживление интереса к вопросам социальных изменений, что, в свою очередь,

было обусловлено некоторыми кризисными явлениями в западном обществе, порожденными обострением экономических и социальных проблем. Но существующая социология, и прежде всего структурный функционализм Т. Парсонса, оказывается неспособной объяснить возникшие проблемы. Одним из недостатков подхода Парсонса и других структурных функционалистов была, как отмечали критики, «идеологическая ориентированность на стабильность, равновесие и интегрированное состояние, неспособность дать адекватное описание и анализ конфликтов», а как результат – отсутствие соответствующих инструментов. Именно в этот период начинаются так называемые «ренессансы» К. Маркса и М. Вебера, в свое время продемонстрировавших прекрасное умение работать с историческим материалом, его обобщением и социологической интерпретацией. Именно в это время возникает «радикальная социология» (Ч.Р. Миллс и др.), современные теории социального конфликта (Л.Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг). Позже интерес к вопросам социальной динамики усилился в связи со становлением общества постмодерна, проблемами глобализации современного мира, реформированием мирового порядка в конце прошлого и начале нынешнего столетия.

Началась третья фаза в динамике интереса социологической науки к истории, длящаяся по сей день. В чем особенность этой фазы? Как пишет современный автор, к истории у социологии возник новый заказ: если на первом этапе социология, пытаясь объяснить процесс модернизации на Западе, использовала исторический материал для построения универсальных схем исторического процесса, то на современном этапе социологическая наука стремится обнаружить историческую специфику регионов и стран и на этой основе выявить вариативность исторических изменений. Историческая социология на Западе получает, так сказать, права гражданства, ее статус как самостоятельной отрасли социологического знания оформляется официально, она институционализируется. Социологические исследования процессов и явлений прошлого становятся все более многочисленными [3, с. 9-10].

Подобные процессы, хотя гораздо медленнее и тяжелее, идут и в отечественном обществознании. Начиная с 1960-х, а особенно с конца 1980-х гг., выходит ряд интересных работ, написанных в социолого-историческом ключе [3, с.10-12]. Некоторые из них посвящались исследованию отдельных исторических процессов, другие претендовали на статус обобщающих работ, создавая возможности для определенных теоретических построений. По сравнению с предыдущим периодом социологическое изучение прошлого возродилось и продолжает развиваться. Правда, как отмечают многие исследователи, недостаточными темпами и в недостаточных объемах.

Таким образом, интерес социологической науки к работам профессиональных историков возник уже в процессе разработки ее проекта как науки. Социология родилась из попыток обобщения масштабного исторического опыта модернизации западных обществ в XVI-XIX вв. Социологический интерес к прошлому остается стабильным, однако интенсивность его оказывается неодинаковой на разных этапах развития социологической науки. Степень такой интенсивности обуславливается приоритетными задачами последней, в качестве которых могут быть либо анализ строения общества и его функционирования, либо процессы социальных изменений. Данные приоритеты в свою очередь детерминируются состоянием самой социальной реальности, уровнями ее стабильности или переменчивости.

1. Кареев, Н.И. Основы русской социологии – СПб.: Ин-т социологии Рос. академии наук. – СПб.: Лимбах, 1996.

2. Босков, А. Социальные изменения: основные проблемы возникновения теоретических и исследовательских центров / А. Босков, Г. Беккер. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. – М., 1961.

3. Романовский, Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. – 1998. – №. 5. – С. 7-14.